

В.В. Вольчик

КРАЙ УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ДОНСКОГО АГРАРНОГО И ТОРГОВОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА*

Институциональный подход к экономической истории донского казачества. Область Войска Донского, имеющая выгодное географическое расположение, относительно мягкий климат и обилие плодородных земель, располагала всеми предпосылками стать одним из центров развития аграрного и торгового предпринимательства в Российской империи. Однако в плане развития аграрного и торгового предпринимательства донской край в XIX–начале XX в. значительно отставал от своих соседей. Безусловно, присутствовали объективные причины, определяющие относительную экономическую отсталость Области Войска Донского — это, в первую очередь, ее военная организация управления и обязательные воинские повинности казачества. Именно архаичная и неэффективная институциональная структура донской экономики стала причиной хозяйственных неудач. В данной работе предпринимается попытка проследить влияние экономических институтов на формирование основных рыночных механизмов аграрного предпринимательства на Дону в XIX–начале XX вв., что может способствовать пониманию современных институциональных изменений.

Институты имеют значение, которое не ограничивается рамками, определяющими поведение хозяйствующих субъектов. Институты, являясь элементом культуры (в том числе и хозяйственной), формируют предпочтения, поведенческие модели, способы организации бизнеса и обменов. Важно учитывать исторические особенности эволюции институтов и их влияние на локальные правила и механизмы организации рыночного обмена. Институты именно потому значимы при формировании

* В основу статьи легли материалы доклада на международной научной конференции «Российское предпринимательство в XIX–первой трети XX века: личности, фирмы, институциональная среда» (Санкт-Петербург, 19–21 октября 2007 г.).

и функционировании хозяйственного порядка, что именно они задают долговременные ограничения и формируют устойчивые стереотипы поведения хозяйственных агентов. В конечном итоге качество институтов определяет эффективность экономики страны или отдельного региона. Экономическая история Донского края представляет особый интерес именно в плане уникального для России режима институционального регулирования хозяйственной деятельности. Большой интерес при изучении институтов представляет тот факт, что на Дону различные этнические и сословные группы подвергались различному специфическому институциональному регулированию.

Эволюция экономики любой страны или региона в ее историческом развитии не гарантирует эффективных результатов адаптации к меняющимся условиям даже в случае существования рынков и их Парето-эффективного функционирования. Следовательно, мы не можем разработать универсальных рецептов экономического благоденствия. Но мы можем на основании теоретических конструкций и исторического опыта определить закономерности и вектор экономической эволюции того или иного общества в тот или иной период его развития. В таком случае история, культура и институты имеют значение¹.

Неоэволюционная экономическая теория² и экономическая история дают нам инструменты и фактический материал, которые помогают разобраться в причинах длительного и стабильного существования субоптимальных институтов, а также способствовать построению более полной картины развития донского аграрного и торгового предпринимательства.

Формирование институтов в контексте данного исследования рассматривается как эволюционный процесс. Однако подход к формированию и закреплению институтов, который принят в современном институционализме представляется слишком ограниченным. При анализе институтов в динамическом аспекте необходимо выделять основных институциональных инноваторов и доминирующие группы интересов, которые участвуют в процессе формирования и изменения институтов.

Плохие институты часто демонстрируют поразительную живучесть, что отражено в большом количестве работ, написанных в рамках важнейшего теоретического направления в неоэволю-

ционной экономике — зависимости от предшествующего пути развития (path dependence). Иллюстрациями действия эффекта зависимости от предшествующего пути развития можно считать эволюцию института земельной собственности и милитаристскую направленность развития Области Войска Донского. Однако современникам трудно, а иногда и невозможно сделать правильный выбор в пользу эффективных институтов. Показательным примером может служить факт понимания современниками проблемы существования неэффективных экономических и социальных институтов, а также неоднократные попытки реформирования хозяйственных институтов и механизмов Области Войска Донского, которые не прекращались вплоть до 1916 г. и в целом не имели успеха. История дает нам полезный фактический материал, который позволяет (хоть и ретроспективно) выделить важные закономерности функционирования и развития хозяйственных институтов в российской экономике.

Относительно низкие показатели экономического развития Области Войска Донского можно объяснить именно специфическими институтами. Благоприятные географические, климатические, транспортные условия для развития аграрного и торгового предпринимательства не были использованы на протяжении всего XIX века и начала XX. Причем эволюция институтов, определяющих правила и ограничения для хозяйствующих субъектов, часто приводила к замене плохих институтов еще более худшими.

Парадоксы институциональной истории предпринимательства на Дону легче понять в контексте политической и культурной истории. При анализе эволюции хозяйственных институтов также необходимо учитывать действие эффекта зависимости от предшествующего пути развития. И здесь особое внимание необходимо уделить особенностям становления Донского края в составе Российского государства. Феномен зависимости от предшествующего пути развития основан на понимании и придании значимости фактам исторической обусловленности развития систем с положительной обратной связью³. Однако данный подход отличен от историцистского, подразумевающего жесткую детерминацию стадий и процессов исторического развития социальных систем⁴.

На пути исследования эволюции хозяйственных институтов нужно учитывать, что некоторые ситуации не укладываются в

неоинституциональные рамки моделей институциональных равновесий. Исследователям необходимо индуктивное мышление для выработки релевантных теорий (гипотез), дающих понимание процессов нелинейного развития правил и механизмов регулирования хозяйственных процессов⁵. В плане формирования паттернов индуктивного мышления экономическая история может служить важным фактором для понимания процесса эволюции сложных хозяйственных систем.

Построение четкой картины эволюции институтов аграрного и торгового предпринимательства на Дону может сопровождаться попытками построения контрафактических исторических моделей⁶. И хотя такой подход может быть довольно плодотворным он прямо не входит в круг целей настоящей статьи. История развития институтов предпринимательства является цепью упущенных возможностей для внедрения эффективных правил хозяйствования. Возможные лучшие альтернативы формирования институтов не были реализованы из-за многих причин, основными из которых можно назвать отсутствие влиятельных групп, заинтересованных в развитии предпринимательства, а также милитаристская политика императорского правительства.

Функционирование того или иного института связано с текущими взаимодействиями экономических акторов: организаций, групп специальных интересов и индивидов. Поэтому в процессе отбора институтов важнейшую роль играют устойчивые группы интересов. Причем такие группы могут преследовать как узкие (специальные), так и всеохватывающие интересы. Под группами специальных интересов обычно понимают совокупность агентов, которые характеризуются совпадением экономических интересов, и на которых действуют избирательные стимулы для производства совместного коллективного блага. Группы с особыми интересами могут создавать структуры для лоббирования политических и экономических решений и нормативных актов, олигархические и монополистические структуры, а также участвовать в перераспределении. Правило, институциональное соглашение или институт, только тогда имеют значение, если есть значительное количество индивидов, которые им следуют. Индивиды образуют малые и большие вторичные группы, в рамках которых формируются избирательные стимулы, что

позволяет группам включаться в процесс создания, изменения и закрепления институтов.

Согласно подходу М. Олсона, группы специальных интересов оказывают негативное воздействие на экономическое развитие. Напротив, деятельность групп со всеохватывающими интересами чаще всего приводит к внедрению эффективных институтов⁷. При планировании институциональных реформ в области организации экономики Области Войска Донского реализовывались специальные (узкие) интересы, что, следовательно, являлось причиной внедрения субоптимальных институтов. В конечном итоге узкие интересы милитаризованной элиты во многом определили низкие результаты неоднократных попыток реформирования хозяйственных институтов донского края.

Но к концу XX столетия появилось множество работ, в которых убедительно доказывалось о бесперспективности институтов, сформированных в экономиках, где господствовали группы узких специальных интересов. Экономика властных группировок, как справедливо отметил Э. де Сото, поразительно напоминает классическую систему меркантилистической экономики. И если в XVI–XVIII веках институты меркантилистической экономики были сравнительно эффективными для своего времени, то в XX веке система современного меркантилизма представляет собой институциональную ловушку, где вследствие эффекта блокировки (lock in) уже явно неэффективные институты закрепляются и функционируют длительное время⁸.

Однако было бы большим упрощением трактовка действия групп как узких, так и всеохватывающих интересов исключительно как инноваторов в одном случае неэффективных, в другом эффективных институтов. Группы являются той единицей социального отбора, в результате которого происходит изменение, отбор и сохранение (наследование) институтов, структурирующих социальные взаимодействия.

Группы интересов, сохраняясь и увеличивая свою численность, участвуют как в генеративном (generative selection), так и ограничивающем (subset selection) социальном отборе⁹. Группы интересов очень трудно выделить в конкретном обществе и хозяйственном порядке, а еще трудней исследовать, однако они более реальны¹⁰, чем пресловутые популяции фирм. Группы (рассматриваются в

данном контексте вторичные группы) представляет интерес, прежде всего, фактом согласованных или солидарных действий в следовании или создании определенного правила. Доминирование ограничивающего отбора в эволюции хозяйственных институтов Области Войска Донского приводило с одной стороны к некоторой стабильности, однако, в данном случае стабильность архаичных институтов была часто непреодолимым препятствием для внедрения прогрессивных институциональных инноваций.

Так как группы рассматриваются через призму включенности действия тех или иных институтов, смена персонального членства в той или иной группе не оказывает сильного влияния на правила, рутины и институты, которые поддерживаются группой. Примером из российской истории можно служить хозяйственная и предпринимательская деятельность староверов, которые следовали определенным неформальным институтам, например, специфической хозяйственной этике¹¹.

Фундаментальной причиной неэффективности групп интересов как институциональных инноваторов является их длительная стабильность и несменяемость в рамках политической системы. После работ М. Олсона стал общепринятым тезис о том, что большие группы обеспечивают своих членов коллективным благом хуже, чем малые группы. Также большие группы являются менее стабильными. Поэтому, если проблема стабильности групп интересов («социального склероза») может быть решена за счет гибкости политических институтов, то это дает шанс для общества с обилием групп специальных интересов на формирование и функционирование эффективных экономических и политических институтов¹². Однако в традиционных и малоразвитых обществах, где большинство социальных общностей представляют первичные группы и религиозные общины, принцип «социального склероза» должен быть рассмотрен отдельно с учетом специфики таких социумов и их хозяйственных систем.

В экономической истории Дона можно выделить несколько точек бифуркаций, когда был возможен выбор из нескольких вариантов развития институтов, например, в начале XVIII в. и в 60-е годы XIX в. Действия или бездействие институциональных инноваторов, конечно, нельзя рассматривать вне общего исторического контекста развития экономики Российской империи в

XIX–начале XX вв. Однако именно различия в институциональном регулировании предпринимательской деятельности на Дону от других регионов империи представляют особый интерес.

Важно учитывать, что экономическому успеху могут способствовать не только институты, ограничивающие монопольную власть или снижающие неопределенность во взаимодействиях агентов. В определенных условиях акторы также следуют различным вариациям оппортунизма, т.е. заинтересованы в обмане, сокрытии информации и т.д. Такие действия могут быть эффективными для достижения успеха на рынке, как и предоставление более качественных услуг, снижение издержек производства, создание новых продуктов или предложение более низких цен¹³.

Институциональные препятствия социально-экономическому развитию казачества. Процесс создания и изменения институтов зависит от культуры и доминирующих ценностей, которые формируются в рамках этнических сообществ. На территории Области Войска Донского, Таганрогского градоначальства и Ростовского уезда Екатеринославской губернии в XVIII–XIX вв. исторически сложилось полиэтничная структура населения. Основными этническими группами были великороссы, малороссы, армяне, евреи и греки¹⁴. В рамках этнических групп формировалась своя культура, в том числе и культура предпринимательства. Важно учитывать, что в одной этнической нише могло формироваться несколько типов хозяйственных культур, например, в среде великорусского крестьянства, казачества, староверов.

Область Войска Донского, прочно войдя в XVIII в. в состав Российской империи, стала играть важную роль в экономической, военной и политической жизни государства. Она обладала многими специфическими для Центральной России, но характерными для южного региона чертами развития — прежде всего, наличием казачьего (военного) сословия. По данным административного и ревизионного учета населения в 1858 г. более половины последнего составляло донское казачество — 564 тыс. (54%). Другими социальными группами были крестьянство — 413 тыс. (39,5%), духовенство, купечество, мещане, отставные солдаты, малороссийские казаки и другие категории населения свыше 53 тыс. (5,2%), дворянство и классное чиновничество — 14 тыс. (1,3%)¹⁵.

Военная направленность развития Области Войска Донского, а военное сословие составляло здесь большинство населения вплоть до 1917 г. (табл. 1), была выгодна в первую очередь узким группам специальных интересов, занимающих руководящие должности в Войске. Однако именно эти группы неоднократно инициировали запретительные меры в области хозяйственного оборота, которые касались как собственно казаков, так и иногородних.

Например, в 1858 г. Высочайше утвержденным положением Военного совета, опубликованным 14 мая¹⁶, иногородним было запрещено приобретать недвижимое имущество в Области Войска Донского. В 1868 г. Высочайше утвержденным мнением Государственного совета, опубликованным 18 июня¹⁷, иногородним все же разрешили приобретать недвижимое имущество — «дома и всякого рода строения». Однако земля под строениями оставалась в собственности Войска.

Вообще институт «иногородних» заслуживает отдельного исследования. Кратко заметим лишь, что дискриминационные меры экономической политики только замедляли экономическое развитие, способствуя перетеканию предприимчивых «иногородних» в соседние губернии. Показательным здесь является экономическое развитие расположенных рядом Ростовского уезда (между Ростовом-на-Дону и Новочеркасском расстояние всего 40 км) и Таганрогского градоначальства Екатеринославской губернии вплоть до 1888 г.

Отрицательно сказывалась милитаризация региона (который во второй половине XIX в. уже не находился на границах империи и фактически был внутренней областью) и на развитии политических институтов, в частности, самоуправления, что в конечном итоге также не способствовало развитию предпринимательства.

Например, в 1882 г. на Дону было ликвидировано земство, а после присоединения в 1888 г. Ростовского уезда земство было упразднено и в нем. Вообще на протяжении всех 1880–1890-х гг. гражданское управление продолжало неуклонно милитаризоваться. После уничтожения земства Войско вернулось к порядкам Николаевского времени. Естественное гражданское развитие края искусственно задерживалось. Милитаризация края и тяжелая служба казачества не давала развивать промыслы и торговлю в соответствии с тенденциями экономического развития того времени¹⁹.

Таблица 1

Сословная структура населения Области Войска Донского¹⁸

Сословия	1864		1876		1898		1908		1916	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Дворяне	14 913	1,5	18 688	1,46	23 728	0,96	24 022	0,8	29 520	0,82
Духовенство	6 564	0,68	6 986	0,54	7 061	0,28	6 538	0,22	6 191	0,17
Городские	974	0,1	2 871	0,22	153 833	6,23	100 239	3,4	107 903	3,02
Сельские	289 856	30,14	373 175	29,25	678 111	27,46	840 675	28,9	878 330	24,6
Военные	639 907	66,54	776 601	60,8	1 162 925	47,1	1 418 533	48,8	1 680 404	47,1
Иногородцы разных сословий, постоянно живущих	–	–	97 090	7,6	406 083	16,4	445 838	15,3	794 434	22,2
Иностранно-под- данные	40	0,004	275	0,02	8 879	0,35	5702	0,19	10 583	0,29
Иногородцы (татары, черкесы, калмыки, не каза- чье сословье)	25	0,002	–	–	5 356	0,21	10 869	0,37	19 413	0,54
Лица, не при- надлежащие к выше показанным разрядам	9301	0,967	1 275 686	–	22 595	0,9	51 108	1,7	38 832	1,089
<i>Итого</i>	961 616	100	1 275 686		2 468 571		2 903 524		3 565 626	

В правление Николая II казачество усиленно охранялось от того, что могло бы изменить к лучшему его экономическое и тем более политическое положение²⁰. Фактически от автономии края не осталось и следа. Казаки практически являлись сословием, закрепощенными воинскими повинностями. Составляя около половины населения Области Войска Донского, казаки фактически были исключены из его хозяйственной жизни.

Большой вред в плане развития аграрного и торгового предпринимательства, а также развития промышленности на Дону несли нестабильность и условность прав собственности на землю. В 1850-х гг. земли могли быть отобраны у помещиков не только для надобностей Войска, но даже и по требованию компаний или обществ, которые объявят желание добывать антрацит в участках, принадлежащих частным дельцам на Дону²¹. Спецификация прав на землю и недвижимое имущество дала бы толчок для развития рынков и притока капиталов. Однако на протяжении почти всего XIX в. мало что было сделано в плане четкого установления права абсолютной и свободно отчуждаемой частной собственности на Дону.

Особенности владения основным ресурсом для аграрного производства – землей, определяемые институциональной структурой донского края, неизбежно приводили к различным режимам использования земли и применения агротехнологий. В имениях донских помещиков, хозяйство которых было основано на собственной поступившей в надел или перешедшей по наследству земле, использовалось преимущественно трехпольная система. Однако многочисленные арендаторы, использующие земли, наделенные беспоместным генералам и офицерам или занимающиеся на войсковых юртовых землях, не следовали никакой рациональной системе полеводства — они подымали целину и, по снятии с нее хлеба, оставляли ее без возделывания иногда на 6 или даже на 8 лет²².

Большинство земли, которая в отчетах указывалась как обрабатываемая, в действительности относилась к «залежням». Так, в 1857 г. из 13 млн десятин по отчетам обрабатывалось 3,5 млн десятин, а в действительности обрабатывалось 500 тыс. десятин²³.

На Дону на всем протяжении XIX в. фактически не развивалась переработка сельскохозяйственной продукции, что отрица-

тельно сказывалось на развитии аграрного предпринимательства. Например, существовало обилие шерсти и других продуктов скотоводства, но не было ни одной фабрики, а также не было ни одного завода для обработки других местных продуктов, кроме двух салотопен в г. Новочеркасске, водочного завода, двух пивоварен и трех кирпичных заводов²⁴.

Особенности предпринимательства торговых казаков. Институт торгового сословия в Области Войска Донского сформировался как специфический институт торговых казаков, которые, в отличие от обычных казаков, основным предназначением имели не военную службу, а торговую и предпринимательскую деятельность. Весь XVIII в. казаки могли заниматься любой хозяйственной и торговой деятельностью только в свободное от военных походов и сборов время. Поэтому в экономике донского края отсутствовали многие условия и ресурсы, необходимые для развития сельскохозяйственного производства и торговли.

Интересен тот факт, что в отличие от общего казачьего обычая брить бороды, оставляя одни усы, торговые казаки бороды носили, тем самым даже внешне выделяясь из общей массы. Класс торговых казаков был учрежден именованным Высочайшим указом на имя атамана Платова 12 сентября 1804 г. о предоставлении казакам, занимающимся торговлей и имеющим рыбные заводы и торговые суда права пользоваться льготой от обязательной службы. Первоначально число торговых казаков было определено в 300 человек. Ежегодно каждый из них должен был платить 100 р.²⁵

12 сентября 1834 г. на основании Высочайшего указа было учреждено Донское торговое общество. Порядок его функционирования, а также права и обязанности торговых казаков определялись в Высочайше утвержденном 26 мая 1835 г. положении об управлении Донского войска. Согласно положению, торговые казаки не несли никакой военной службы, а вместо этого должны были вносить ежегодно по 200 р. Срок службы для казаков торгового общества был определен в 30 лет, в течение которого они были обязаны вносить Войску положенную сумму²⁶. Торговое общество включало пятьсот казаков.

Процесс вступления в состав торгового общества был очень непростым. Порядок выдачи свидетельств казакам торгового

общества предусматривал, что при приеме в общество донских торговых казаков требуется удостоверение:

- в поведении;
- в наличии определенного капитала (1500 серебряных рублей);
- в роде торговли;
- в семейном быте.

Зачислялись в торговые казаки те, кто имел преимущество перед другими просящими. Просьбы о зачислении рассматривал и принимал решения о зачислении Коммерческий суд²⁷. Казаки Торгового общества, не уплатившие в срок установленные взносы, считались выбывшими из него. Они становились первоочередными при командировании на службу, на которой оставались до выслуги срока, установленного для казаков первой очереди строевого разряда, но во всяком случае не далее достижения 38-летнего возраста²⁸.

В 1855 г. состав общества торговых казаков был расширен до 750 человек. В том же году было разрешено вступать в торговые казаки не только индивидуально, но и целыми семействами. Взносу за каждого служилого казака были установлены 57 р. 15 к. серебром. В том же году Донское торговое общество было переименовано в Общество донских торговых казаков.

Число казаков, желающих вступить в торговое общество, год от году возрастало. В связи с этим состав общества неоднократно расширялся: в 1859 г. — до 1000 человек, а в 1869 г. — до 1500 человек. Однако число желающих вступить в Общество донских торговых казаков не уменьшалось и значительно превышало установленный предел. Поэтому 8 мая 1869 г. Высочайше повелено было не ограничивать вступление в общество какой-либо нормой, исходя лишь из того, чтобы общее число по войску служилых нижних чинов было достаточным для комплектования определенных штатами строевых частей. В 1874 г. число торговых казаков достигло 3760 человек, а в 1875 г. — 3 921 (ими было внесено взносов на сумму 255 548 р.)²⁹.

Однако согласно новому воинскому уставу 1875 г. зачисление новых членов приостановилось, и в 1885 г. в составе общества числилось всего 482 человека³⁰. В этом же году на 3 года был разрешен прием в члены торгового общества с платой:

300 р. с казаков приговорительного разряда и первой очереди и 150 р. с урядников, казаков второй и третьей очереди и отставных. В связи с такой высокой платой количество зачисленных было очень малым. Положением Военного Совета плата была уменьшена и составила: для неотбывших установленный срок действительной службы до перехода их в запас — 200 р., для отбывших сроки — 100 р., для отставных — 50 р. В 1898 г. в Донском торговом обществе состояло всего 194 человека³¹.

Торговля донских казаков, осуществляемая на территории Войска, освобождалась от всех государственных пошлин. Донские казаки обязывались платить сборы только в доход самого Войска³². Но привилегии скорее препятствовали, чем способствовали развитию предпринимательства, так как они фактически препятствовали выходу торговых казаков на внешние рынки, а также сдерживали проникновение торгового опыта и капиталов извне.

Отставание в экономическом развитии Области Войска Донского по сравнению с соседними регионами стало одной из причин того, что с 1 января 1888 г. Ростовский уезд и Таганрогское градоначальство были переданы из Екатеринославской губернии в Область Войска Донского, став ее округами. Именно эти округа были хозяйственными и торговыми лидерами и положительно влияли на развитие экономики Области Войска Донского.

Развитие г. Ростова-на-Дону как центра торговли в XIX в. во многом обусловлено не только благоприятными географическими и транспортными условиями, но также не в последнюю очередь тем фактом что, находясь в составе Ростовского уезда Екатеринославской губернии, в городе не существовало институциональных ограничений для торговли, которые присутствовали в Области Войска Донского.

Закрытость Донского края от иногородних неизбежно приводила к социальному склерозу, т.е. деволюции групп специальных интересов и поддерживаемых ими институтов и обычаев хозяйствования³³. Экономическая история Области Войска Донского является еще одним ярким подтверждением того факта, что стабильные и защищенные от вмешательства извне группы специальных интересов неизбежно приводят к господству неэффективных институтов, что в конечном итоге приводит к эконо-

мическому упадку, снижению доходов и технологической отсталости хозяйства.

Иногородние лица также не могли вести самостоятельную торговлю в пределах Области Войска Донского. И лишь с 1862 г. иногородние получили право на временную торговлю в пределах Донской области, но обязательная плата превышала на 10% обязательные государственные и земские сборы в пользу городских поселений Новочеркаска и окружных станиц на благоустройство их. Однако неопределенность статуса и незащищенность прав иногородних торговцев приводили к тому, что последние стремились поскорей вывести за пределы области нажитый капитал. Поэтому крупных торговых фирм, принадлежащих иногородним торговым лицам, торговые обороты которых были основаны на правильных, а не грабительских началах, на Дону не было вплоть до XX в.³⁴

В среде казачьего сословия бытовало мнение, что иногородние, пришлые со стороны торговые люди, «размывают» их торговый уклад, как и весь уклад жизни, посягают, вольно или невольно, на их привилегии, которыми они не желали делиться с другими сословиями, а тем более с пришлыми людьми. Такие мнения находили отражение и в законодательстве Войска Донского. Именно система привилегий, как ни странно, сдерживала выход казачьей торговли на большой рынок, сдерживала и проникновение торгового опыта извне. И не удивительно, что институциональное регулирование торговли по отношению к иногородним было преимущественно запретительным³⁵.

Неразвитость торговли на Дону, неопределенность и относительная ограниченность прав иногородних приводила к тому, что, как только в 1868 г. было разрешено приобретать недвижимость и торговать иногородним, в пределы Области двинулось много купцов, которые явно были привержены оппортунистическому поведению. Обман, обмер и продажа некачественного товара по высокой цене стали обыденными явлениями. Соответственно, со стороны казаков иногородние торговцы не пользовались уважением и, более того, казаки относились к ним с нескрываемым презрением, злобой и недоверием³⁶.

Казачья община как препятствие спецификации прав собственности. В отличие от российской крестьянской общины, под-

вергшейся столыпинским реформам, казачья община искусственно консервировалась практически до 1917 г.

Противники реформирования казачьей общины приводили доводы, что это приведет к расказачиванию казаков, и что у казаков нет привычки и склонности к индивидуальному, частному ведению хозяйства. Однако как справедливо отмечалось в 1916 г. в докладе областного депутата Войска Донского М.В. Сарина: «Казачьей общине напрасно придают такое большое значение. Не община, а материальный достаток и довольство — вот первая и главная основа казачества. ... Власть общины подавляет личную инициативу и предприимчивость и, безусловно, вредит делу улучшения техники сельского хозяйства»³⁷.

В казачьей общине, как и в крестьянской, основным сдерживающим фактом была круговая порука. Именно необходимость самостоятельного снаряжения казака для военных действий являлось самой важной причиной сохранения общины, которая была ответственна за должное и своевременное снаряжение.

Более того, в 1916 г. отмечалось, что участки, которые находятся у казаков в наследственном пользовании (такие участки преимущественно были заняты садами, левадами и огородами), разительно отличаются своей ухоженностью, применением улучшенных приемов земледелия и ведения более высоких культур³⁸. Однако постановление Собрания дворянства о признании нежелательным, чтобы снаряжение казаков Войска Донского производилось за счет казны, а при невозможности — за счет Войска, было принято только в 1916 г. и практически не было реализовано³⁹.

Сохранение общины и общего землевладения у казаков вплоть до 1917 г. не способствовало внедрению прогрессивных как технологических, так и институциональных новаций в аграрной сфере. Формально в казачьей общине провозглашались равные права на землю. Каждый казак при достижении семнадцатилетнего возраста имел право получить надел в размере до 30 десятин удобной земли⁴⁰. Для сравнения отметим, что средний земельный надел крестьянина, освобожденного от крепостного права, составлял лишь 3,5 десятин. Тем не менее, крестьяне развивали более интенсивные отрасли земледелия и скотоводства, чем казаки, что позволяло на меньшем земельном наделе получать больше валового продукта⁴¹.

Казаки были выдающимися воинами, которые позволили освоить сохранить и защищать южные рубежи России. Однако по сравнению с другими категориями населения, казаки в основном были менее удачливыми предпринимателями и организаторами производства. Это объясняется отчасти менее эффективными институтами, а также тем, что производственная и предпринимательская деятельность не была для казаков основной и долгое время прямо запрещалась⁴². Хотя необходимо отметить, что было достаточное количество примеров хозяйственной и торговой деятельности казаков⁴³.

Особенность институциональной структуры Области Войска Донского позволял казакам иметь некоторые экономические привилегии. Например, осуществление грузовых перевозок по Дону в пределах Войска было практически монополизировано казачеством придонских станиц, поскольку вплоть до ликвидации обособленности войсковой территории в конце 1860-х гг. суда, принадлежавшие лицам не войсковых сословий, не могли приставать к берегу в пределах Войска⁴⁴.

Можно сделать вывод, что разнообразные привилегии в хозяйственной сфере в конечном итоге отрицательно сказывались на развитии производств и предпринимательства среди групп, которые ими обладали. Выразительным примером может служить предпринимательская и хозяйственная деятельность казаков в сравнении с неказачьим русским населением. Различия в экономической эффективности хозяйствования различных групп населения Дона определяются, прежде всего, различными институциональными условиями, которые регулировали хозяйственные процессы в рамках того или иного сообщества.

В настоящее время на Дону предпринимаются попытки возрождения культуры и обычаев казачества, в том числе и в области предпринимательства. И здесь важно учитывать не только положительный, но и негативный исторический опыт институционального (как формального, так и неформального) регулирования экономических отношений, понимание которых может дать изучение истории аграрного и торгового предпринимательства с использованием теоретических инструментов неэволюционной экономической теории. Релевантное объяснение проис-

ходивших процессов необходимо и для осмысления эволюции современных хозяйственных институтов.

Примечания

¹ Вольчик В.В. Эволюционная парадигма и институциональная трансформация экономики. Ростов н/Д, 2004.

² Неоэволюционная экономическая теория в традиции Б. Артура и П. Дэвида отличается от эволюционной экономики Р. Нельсона и С. Уинтера тем, что основное внимание уделяет эволюции субоптимальных и относительно неэффективных институтов и технологий в рамках концепции зависимости от предшествующего пути развития (path dependence). Указания на существование неоэволюционного направления в экономической теории присутствуют у Н. Флигстина и Р. Филанда (Fligstein N., Feeland R. Theoretical and Comparative Perspectives on Corporate Organization // Annual Review of Sociology. 1995. V. 21. P. 21–43).

³ См.: Arthur W. B. Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1994; David P.A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. V. 75. № 2.

⁴ См.: Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993.

⁵ Arthur W. B. Inductive Reasoning and Bounded Rationality // American Economic Review. Vol. 84. No. 2 (May, 1994). P. 406–411.

⁶ Cowan R., Foray D. Evolutionary economics and the counterfactual threat: on the nature and role of counterfactual history as an empirical tool in economics // Journal of Evolutionary Economics. 2002. Vol. 12. No. 5. P. 539–562.

⁷ Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск, 1998.

⁸ Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М., 1995.

⁹ Hodgson G.M., Knudsen T. The Nature and Units of Social Selection // Papers on Economics and Evolution. 2005. № 0424.

¹⁰ Исследования групп интересов можно найти у политологов и представителей теории общественного выбора. См.: Макаренко В.П. Групповые интересы и властно-управленческий аппарат: к методологии исследования // Социологические исследования. 1996. № 11; Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия; Бьюкенен Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // Нобелевские лауреаты по экономике. Дж. Бьюкенен. М., 1997; Нуреев Р.М. Теория общественного выбора. М., 2005.

¹¹ Бенам А., Бенам Л. Права собственности в переходной экономике: комментарии по поводу того, что знают экономисты // Экономическая наука современной России. 1999. № 3.

¹² Примером могут служить экономики скандинавских стран.

¹³ Kerber W. Competition, Knowledge, and Institutions // Journal of Economic Issues. 2006. Vol. XL. No. 2.

¹⁴ Фурса Е.В. Армянское и еврейское население Донского края в XIX–первой четверти XX века (социально-демографические аспекты) // Население и кризисы. Вып. 7. М., 2001.

¹⁵ ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 381, л. 1–6.

¹⁶ Полное собрание Законов Российской империи. Собр. II. 1858. Т. XXXIII. № 32938.

¹⁷ Там же. 1868. Т. XLIII. № 45785.

¹⁸ ГАРО, ф. 353, оп. 1, д. 367, 387, 400, 479а, 514.

¹⁹ Свагиков С.Г. Россия и Дон. Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. (1549–1917). Издание Донской исторической комиссии. Вена, 1924. С. 412.

²⁰ Там же. С. 437.

²¹ Крылов, действ. статск. советник. Очерк современного состояния земли войска Донского. 1858 г. // Земля в судьбах донского казака. Собрание историко-правовых актов. 1704–1919 гг. / отв. ред. Е.И. Дулимов; сост. Н.С. Коршиков. Ростов-на-Дону, 1998. С. 191.

²² Там же. С. 175.

²³ Там же. С. 176.

²⁴ Савельев Е.П. Очерки о истории торговли на Дону. Общество Донских Торговых казаков. 1804–1904 гг. Новочеркасск, 1904. С. 33.

²⁵ Там же. С. 40.

²⁶ Там же. С. 42.

²⁷ ГАРО, ф. 200, оп. 1, д. 32.

²⁸ Бусленко Н.И. Донской след Меркурия. Историко-экономические очерки становления и развития рыночной экономики на Дону. Ростов-на-Дону, 1996. С. 27.

²⁹ Савельев Е.П. Указ. соч. С. 55–56.

³⁰ Маслоковец Н.А. Труды особой комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт донских казаков. 1899. С. 265.

³¹ Бусленко Н.И. Указ. соч. С. 48–49.

³² Там же. С. 25.

³³ См.: Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск, 1998; Olson M. Jr. The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies // American Economic Review. May. 1995. V. 85. № 2. Papers and Proceedings of the Hundredth and Seventh Annual Meeting of the American Economic Association Washington, DC, January 6–8, 1995.

³⁴ Савельев Е.П. Указ. соч. С. 58.

³⁵ Бусленко Н.И. Указ. соч. С. 29.

³⁶ Савельев Е.П. Указ. соч. С. 59.

³⁷ Доклад областного депутата Войска Донского М.В. Сарина Очередному областному Войска Донского собранию дворянства «О желательности проведения в жизнь некоторых мероприятий к поднятию материального благосостояния казаков» (ГАРО, ф. 304, оп. 2, д. 486, л. 108).

³⁸ Там же, л. 105-109; оп. 6, д. 255, л. 1–2.

³⁹ Постановление Очередного областного Войска Донского Собрания дворянства (ГАРО, ф. 304, оп. 6, д. 255, л. 1–2).

⁴⁰ Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. Ростов-на-Дону, 1990. С. 82.

⁴¹ Там же. С. 85.

⁴² Ларионов А.Н. Экономические основы существования Войска Донского // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 2.

⁴³ О примерах успешной предпринимательской деятельности казаков, а также институциональных ограничениях казачьего предпринимательства см.: Торгово-промышленное общество Войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» (<http://www.tpovvd.ru/3.htm>).

⁴⁴ Дон и Северный Кавказ в XVI–первой половине XIX века. Торговые казаки на Дону // История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года (http://grants.rsu.ru/osi/Don_NC/XVI-XIXbeg/Vod_trans.htm).